

---

Автор представлен членом Художественного совета **Евгенией Барановой**

\*\*\*

Детей становилось меньше. Игрушек — больше.  
Пока не стемнело, я поиграл во все.  
Потом мы смотрели кино, снятое в Польше,  
о бравых танкистах и их беззаботном псе.

Потом я остался один, кого не забрали,  
стойкий, как этот танковый экипаж.  
Со сторожихой по имени баба Валя  
мы обошли за этажом этаж.

Группу за группой, везде закрывая плотно  
окна с дверями и выключая свет.  
Плакать хотелось, но я был, как Валя Котик,  
когда залезал засыпать под колючий плед.

Не выдающий ни горечи, ни печали,  
хотя и страшное что-то произошло.  
И не поверил, когда вдруг с улицы постучали,  
и улыбнулся папа через стекло.

Сколько бы лет, километров, людей, событий  
ни разделяло меня и тот детский сад,  
я и теперь, ощущая себя оставленным и забытым,  
иной раз ловлю на себе этот взгляд.

\*\*\*

Снег десантируется  
с облаков поутру  
хлопьями, слипшимися  
и густыми, как пена,  
ветви и крыши  
укутывая постепенно,  
двор покрывая, скамейку,  
крыльцо, конуру.

Выйдя из будки и видя  
большой белый ком  
в миске на фоне  
прекрасного нового мира,  
старый дворняга  
себя ощущает щенком,  
вдруг получившим на завтрак  
тарелку пломбира.

Точно не помня,  
кто мог это быть из детей,  
что за уехавшая  
без возврата девчонка,  
пес тонет в миске  
всей мордой беззубой своей,  
машет хвостом благодарно  
и чавкает громко.

\*\*\*

Когда рабочий день кончается,  
кладя начало кутежу,  
неспешной поступью скитальца  
я на Тверскую выхожу.

И каждым вечером, буквально я  
шагну из офиса вовне,  
идет машина поливальная  
как девушка навстречу мне.

Своими брызгами и струями  
надежно, точно, наизусть  
она, как будто поцелуями,  
снимает боль и лечит грусть.

Когда-нибудь, устав быть актором  
богатой фактами судьбы,  
я брошу все и стану трактором  
с цистерной, полною воды.

Пусть мне не справиться с рутинной  
безжалостных рабочих дней,  
зато с поливочной машиной  
мы не расстанемся моей.

---

\*\*\*

Маленький мир обычного человека.

Сколько ни ездят по свету, его не расширить:

ни безымянного города на два проспекта,

ни тесной комнаты площадью три на четыре.

Так и останутся парк, водоем и деревья.

Ясли и школа, университет и работа.

По вечерам – алкоголь, телевизор и древний

неторопливый компьютер с бесчисленными фото.

Кто там на них? Разбираться нет смысла и толка

ни в этих папках, ни в залежах песен и фильмов,

не говоря уж о книжных предательских полках,

наобещавших всего и слухавших сильно.

\*\*\*

Только черный костюм.  
Никакого другого костюма.  
Прогуляться к мосту,  
постоять неподвижно, бездумно,  
как больной позвонок  
в поясничном отделе;  
как школьник  
ждет-пождет свой последний звонок,  
подперев подоконник.

Он, конечно, глубокий знаток  
иссушающих болей,  
злых депрессий, стреляний в висок,  
вековых меланхолий.  
Поражен острой формой поэзии  
в самые фибры,  
словно ласковым лезвием  
неходового калибра.

Он стоит в переполненном зале,  
отчетливо видя  
в благородной печали  
себя, как приедет и выйдет  
через годы на мост  
и сравнит изменившийся город  
с тем, который не подозревал,  
что окажется дорог.

Встанет, как ресторан,  
прогоревший на зимних дисконтах,  
надломившийся башенный кран  
на краю горизонта,  
мост у речки у чертовой  
с выряженным одиночкой,  
нацепившим все чёрное  
летом, включая сорочку.

\*\*\*

Растянувшись цепью напряженной,  
будни приближаются к концу,  
чтобы в тишине мужа и жены  
замерли опять лицом к лицу.

Вот и мы, как дужки из вольфрама,  
если взгляд под правильным углом  
бросить к нам из-за оконной рамы,  
спаяны с тобою за стеклом.

Свет подрагивает и мигает  
от перенагрузок в эти дни.  
Ни о чем не думай, дорогая.  
Просто отдохни.

Не переживай насчет проводки.  
Даже если вдруг перегорит,  
это будут щитовые пробки,  
а не что-то важное внутри.